ГЕОРГИЙ БРЯНЦЕВ

ШПИОНСКИЙ РОМАН О ПОДПОЛЬНОЙ БОРЬБЕ КОММУНИСТОВ И ПРОСТЫХ ЧЕХОВ ПРОТИВ НАЦИСТСКОЙ УГРОЗЫ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ЭТО БЫЛО В ПРАГЕ

ТАЙНЫЙ ФРОНТ

Георгий Михайлович Брянцев

Предательство. Это было в Праге

Серия «Тайный фронт»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74655496
Предательство. Это было в Праге / Г. М. Брянцев: Родина; Москва; 2026
ISBN 978-5-00269-312-2

Аннотация

Действие первой книги шпионской трилогии Георгия Брянцева «Это было в Праге» разворачивается накануне Второй мировой войны в столице Чехословакии – Праге. Главный герой – коммунист Ярослав Лукаш, который становится активным участником подпольного антифашистского движения. В романе показаны драматические события, предшествующие началу войны, с участием различных персонажей: агентов гестапо, полицейских, дипломатов, журналистов, разведчиков, политиков и простых граждан.

Роман повествует о событиях, приведших к вторжению нацистской Германии в Чехословакию. Внутренняя борьба внутри страны, расколы в правительстве и обществе. Заговоры и интриги спецслужб, направленные на уничтожение оппозиции.

История подпольной деятельности коммунистов, её трудности и риски. Личные трагедии и моральные выборы главных героев.

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 23
Глава третья 30
Глава четвертая 48
Глава пятая 63
Глава шестая 73
Конец ознакомительного фрагмента. 79

Георгий Брянцев
Предательство. Это было в Праге

Серия «Тайный фронт»

© Брянцев Г. М., правообладатели, 2026.
© ООО «Издательство Родина», 2026

Глава первая

1

В Карловых Варах еще не проснулась жизнь. Низины за городом были выстланы легким голубым туманом. Заря едва занялась. На востоке медленно светлело небо, постепенно окрашиваясь в багряный цвет.

Верный правилу, Мориц Обермейер на ночь не закрывал окон. Проснувшись, он несколько минут лежал неподвижно в мягкой теплой постели, потом быстро встал, сунул ноги в войлочные туфли и подошел к окну.

Стояло полное безветрие. Едва ощутимые колебания воздуха доносили запах уходящего лета, терпкое и печальное благоухание поздних цветов.

Обермейер окинул равнодушным взглядом крыши курортного городка, сладко зевнул, потянулся всем своим костлявым телом и стал проделывать гимнастические упражнения.

Все шло как обычно. После гимнастики предстояло принять холодный душ, потом разрядить две обоймы из «Вальтера» в домашнем тире и просмотреть газеты перед завтраком.

Сестра Эльвира накрывала на стол.

Обермейер вернулся из тира, опустился в кресло и взял утренние чехословацкие газеты. Почти все они в тревожных тонах сообщали о подозрительных приготовлениях в Третьей империи: призыв запасных, сооружение на западной границе новых укреплений, «случайное» появление над территорией Чехословакии немецких «юнкерсов», перерегистрация среднего и низшего медицинского персонала, военные маневры вблизи Данцига… На первых страницах крупным шрифтом сообщалось о том, что делегация судетских немцев посетила премьера Годжу и решительно отклонила его план переговоров.

«Прекрасная создалась обстановка для миссии лорда Ренсимена, – подумал Обермейер. – Скоро весь мир поймет, что такое Великая Германия и ее фюрер. И если мне…»

– Ешь, пока завтрак не остыл, – оборвала его мысли Эльвира. – Брось газеты.

К еде Обермейер относился как к надоедливой необходимости и не испытывал к ней особого тяготения. Он не обратил внимания на то, что приготовила ему сестра на завтрак.

Не отрывая глаз от газетного столбца, он торопливо съел омлет с зеленым луком, стакан сметаны, выпил чашку черного кофе и закурил сигару.

Поведение брата за столом всегда возмущало Эльвиру и служило поводом к их частым ссорам. Но сегодня Эльвира промолчала, только насмешливо усмехнулась. Всего пять

дней, как она вернулась из Будапешта после гастролей, и ей не хотелось в первые же дни обострять отношения с Морицем.

– Ты уже сыт? – спросила она брата, заметив, что он не притронулся ни к салату из свежих овощей, ни к ветчине со свежим горошком, ни к сосискам.

– Что? – Обермейер поднял глаза от газеты. На сестре было выходное платье. Он поинтересовался. – Ты куда собралась?

– В Прагу. Мне предстоит подписать контракт с локалем «Амбаси». Я взяла там несколько выступлений.

– Хм… но мне, вероятно, машина сегодня понадобится, – недовольным тоном заметил Обермейер.

– А я поеду с Милашем, – успокоила его Эльвира, – мы с ним еще вчера договорились.

С Милашем? Что ж, это вполне устраивало Обермейера. Он знал, что между сестрой и его бывшим однокашником по Пражскому университету, врачом Милашем Неричем, существуют приятельские отношения, быть может, роман. Их совместная поездка казалась вполне естественной. Но сегодня имя Нерича навело его на другие размышления.

– Из маленького поросенка Милаш превратился в порядочную свинью, – проворчал Обермейер, – забыл старых друзей. Передай ему, что я на него обижен.

– Это ты с успехом можешь сделать сам, – откликнулась Эльвира. – Но к тому нет оснований. За эту неделю он был

у нас два раза и ни разу тебя не застал.

– Поэтому он, видимо, и приезжал, что меня не было дома, – усмехнулся Обермейер. – Получается, он больше друг тебе, чем мне.

Эльвира передернула плечами. Странный человек ее брат Мориц: считает Милаша своим давним и преданным другом, говоря о нем, превозносит его способности, радушно его принимает, а сам никогда не ходит к нему, даже не звонит.

– А что тебе мешает навестить Милаша? Три квартала не такое уж большое расстояние.

– Я не врач. Врачи распоряжаются своим временем, как им заблагорассудится, а юристы – рабы своих обязанностей… Кстати, не забудь о моей вчерашней просьбе.

– О просьбе? Но я уже забыла, – непринужденно ответила Эльвира.

Обермейер подчеркнуто пристально посмотрел на сестру и медленно, взвешивая каждое слово, проговорил:

– Я имею в виду этого старого английского хрыча, лорда Ренсимена. Ты должна во что бы то ни стало проникнуть в его окружение. Мною руководит не простое любопытство. Я хочу предвосхитить события, а тебе исполнить мою просьбу не составит труда, – И, сказав сестре несколько комплиментов, Обермейер пожелал ей счастливого пути и прошел в кабинет.

Дом перешел к Обермейеру по наследству. Кабинет ко-

гда-то принадлежал его покойному отцу. В нем все сохраняло память о старом Обермейере: симметрично развешанные по стенам гравюры, изображающие старинные улицы Кельна и Нюрнберга, тяжелый и громоздкий, украшенный грубой резьбой шкаф с книгами, к которым Мориц Обермейер никогда не прикасался, большой бронзовый чернильный прибор замысловатой конструкции, костяные статуэтки уродливых китайских божков, семейные фотографии кабинетного формата, дорогие, уже выцветшие драпри на окнах и дверях, портрет Вильгельма, написанный искусной кистью.

А на противоположной стене висел портрет Гитлера – единственное, что сын по собственному выбору приобрел после смерти отца.

Обермейер сел в удобное кресло с отполированными от времени подлокотниками и, откинувшись на спинку, закрыл глаза, – ему надо было обстоятельно обдумать текст делового письма, – но за его спиной раздался голос горничной:

– К вам посетитель.

– Проси!

Вошел солидный, лысеющий, но еще не старый мужчина. Темно-синий, хорошо отглаженный костюм скрадывал его полноту. Переступив порог кабинета, посетитель поклонился с достоинством, во всяком случае, не настолько низко, чтобы поклон мог показаться подобострастным.

– Жан! Очень кстати. Прошу, – сухо приветствовал вошедшего Обермейер.

– Я без вашего разрешения поставил свою машину во дворе.

– И правильно поступили, – одобрил Обермейер. – Садитесь и рассказывайте.

Жан опустился в кресло.

– Что же вам рассказать? – спросил он, легонько склонив голову к плечу.

– Что слышно о «дедушке»?

Жан улыбнулся.

– Прежде всего хочу обратить ваше внимание на небольшую деталь: перед самым приездом к нам лорда Ренсимена Лондон отправил своего посла в отпуск. Вы понимаете? По-моему, это симптоматично.

– Да, пожалуй. Сделано это с расчетом и, видимо, для того, чтобы развязать руки Ренсимену.

– Вот-вот… так и я думаю, – согласился Жан и приступил к подробному рассказу о встрече Ренсимена.

Обермейер слушал, уставившись на гостя белесыми неподвижными глазами.

Он прекрасно изучил Жана за годы своего сотрудничества с ним как с секретным агентом. Жан любил придавать своим словам некий скрытый смысл, чтобы показать, что ему известно то, что неизвестно другим. К сообщениям он неизменно добавлял свои личные соображения и старался в каждую историю вплести свое имя, даже в тех случаях, когда не имел к происшедшему никакого отношения.

Обермейер знал это, но ценил Жана и давал ему наиболее щекотливые поручения. Он считался с Жаном, так как к работе в гестапо этого человека привлек сам штандартенфюрер.

– Теперь о самом лорде, – продолжал Жан. – Типичный английский тори, от которого попахивает нафталином. Вы метко окрестили его «дедушкой». Внешне держится чопорно, надменно, показывая всем своим видом, будто выше англичан никого нет на свете.

– Как прошла его встреча с журналистами? – поинтересовался Обермейер.

– Вполне удовлетворительно. Лорд сделал вид, что растроган приемом чехословацкого правительства. Нашлись у него приветливые слова и по адресу Конрада Гейнлейна. Дальше он произнес несколько шаблонных демократических фраз, в которых отметил, что кабинет Великобритании возложил на него серьезную задачу: найти компромисс между национал-социалистской партией судетских немцев и чехословацким правительством. «Я, – сказал он, – ваш друг и приехал в эту прекрасную страну с миссией доброй воли». Ловко! В общем, в нашем деле мы получаем еще одного союзника, – и Жан позволил себе рассмеяться.

– А не опоздал он со своей миссией доброй воли?

Жан повел бровями.

– Возможно… Возможно…

– Какие разговоры идут в Праге? – спросил Обермейер.

– Гм… Как вам сказать? – Жан на мгновенье задумался. – Обобщение сделать трудно, здесь нужен дифференцированный подход. Разные круги воспринимают миссию лорда поразному. Коммунисты, как всегда, непреклонны. Они кричат, что Ренсимен будет лить воду на мельницу Гейнлейна. В окружении Берана, Черны, Махника придерживаются того мнения, что Ренсимен разрубит гордиев узел, завязанный Бенешем в его игре в коллективную безопасность. Немного подозрительно ведет себя генерал Элиаш. Я опасаюсь, как бы он не оказал сопротивления нашим усилиям. Рассказывают, что генерал возлагает особые надежды на Россию и Францию, рассчитывает на их вмешательство.

– Дурак, – прервал Обермейер. – Франция никогда не выступит. А это сдержит Россию. Поверьте моим словам. Что касается сопротивления… – Обермейер сделал гримасу, – у Элиаша ничего не выйдет. Чехи за ним не пойдут. Коммунисты и Готвальд – вот кто опасен. За ними массы. Между прочим, я слышал, будто генерал Сыровы становится в воинственную позу. А?

Жан покачал головой.

– Генерал Сыровы? Этот выскочка? У него один глаз, и он сын сапожника – этого еще мало для того, чтобы стать национальным героем вроде Яна Жижки. Сыровы побили в России, побьют и здесь.

Хоть и не резко выраженное, но все же явное уважение к Яну Жижке, почитаемому чехами, послышалось в голосе

Жана. Это не понравилось Обермейеру.

– Да черт с ними, в конце концов, и с Жижкой, и с Сыровы, – резко сказал он. – Не спускайте глаз с Ренсимена. Весьма вероятно, его эксперты и консультанты захотят посетить Судеты. Постарайтесь их сопровождать. Мы должны знать, о чем и с кем они будут вести там разговоры. Ну, а о том, что нужно писать в газетах, вы знаете не хуже меня… – Обермейер поднялся с кресла. – Пока всё.

Жан тоже встал, поклонился и вышел из кабинета.

Обермейер вынул из ящика стола лист чистой бумаги, поудобнее устроился в кресле, поразмышлял некоторое время и, сильно сгорбившись, начал писать:

«Начальнику опорного пункта группы «В» гестапо. Дрезден – Прага, штандартенфюреру СС фон Термицу. Докладываю, что позавчера в Прагу приехал известный вам гость с островов, которого я именую в дальнейшем «дедушкой». В связи с этим все мои текущие дела я откладываю и займусь исключительно «дедушкой». Надеюсь, мою инициативу Вы одобрите. «Дедушка» остановился в «Карлтоне». Возлагаю надежды на свою сестру, которую постараюсь протолкнуть в его окружение. В прилагаемом плане я позволяю себе кратко изложить Вам то, что намерен предпринять на первых норах.

P. S. Игру в «бридж» с «Дравой» продолжаю. Ход дела

позволяет надеяться, что его приобретение пойдет на пользу нашему клубу. Эгер. 5 августа 1938 года. Карлсбад».

2

Два дня спустя, сидя перед трельяжем в одном из номеров отеля «Карлтон», Эльвира Эрман заканчивала утренний туалет.

Ей двадцать три года, она красива, свежа, темные глаза выразительны, движения вкрадчивы и, как у профессиональной танцовщицы, ритмичны. Как и Мориц, она высока ростом.

Эльвира испытывала смущение оттого, что до сих пор не выполнила поручение брата: все ее старания завязать знакомство с лордом Ренсименом и людьми, приближенными к нему, не принесли никакого успеха. Сегодня она собиралась сделать решительный шаг. Одетая в хороший английский костюм, она спустилась в вестибюль, рассчитывая встретить там кого-нибудь из сопровождающих английского гостя.

В вестибюле она увидела трех субъектов. Их трудно было принять за постояльцев отеля. Судя по их поведению, это были секретные агенты чешской полиции. Двое развалились в креслах и с деланным вниманием просматривали газеты; третий, глубоко заложив руки в карманы пиджака, с таким же повышенным интересом рассматривал картину, изображавшую горный пейзаж.

Эльвира почувствовала себя неловко в этой компании. Она брезгливо повела плечом и повернулась, чтобы уйти.

Сверху навстречу ей сбегал по лестнице немного грузный, но подвижный мужчина. Увидев Эльвиру, он задержал шаг, его выхоленное лицо с отвислыми щеками и двойным подбородком осветилось восторженной улыбкой.

– Пани Эрман!

– Господин Гоуска!

– Какая встреча!

– Рада вас видеть!

Улыбка еще шире раздвинула губы Гоуски. Он жарко поцеловал руки старой знакомой и пригласил ее на завтрак.

«Ну что ж, на время забудем о моем лорде», – решила Эльвира и приняла руку Гоуски.

Открытый кабриолет быстро домчал их до загородного ресторана «Баррандово».

Утро было чудесное. Гоуска и Эльвира выбрали себе столик. Всюду, по террасам скалы, разбегались эти маленькие столики под яркими цветными зонтами. Внизу черной лентой тянулась железная дорога. Нежно-розовый прозрачный туман легко и медленно плыл над водами Влтавы.

В высоком синем небе теснились и распадались снежно-белые облака.

– Не правда ли, хорошо здесь? – спросил Гоуска с видом делового человека, который хочет показать, что и ему доступно увлечение природой.

– Очень хорошо, – согласилась Эльвира. – Здесь мое любимое место.

Гоуска слегка наклонился к ней.

– А вы хорошеете, и чем дальше, тем больше.

Эльвира рассмеялась.

– Если поверить вам, то в шестьдесят лет я буду первой красавицей на земле.

Гоуска не сводил с Эльвиры восхищенных глаз. Давненько он не видел ее! Давненько! А сколько она ему в свое время доставила и хлопот, и забот, и расходов… Но что значат все эти издержки души и кармана в сравнении с теми минутами, которые он не может забыть?

– В Будапеште гастролировали? – спросил Гоуска.

– Да.

– Успешно?

– Громкий успех. Разве вы не читали?

– К сожалению, нет.

Эльвира укоризненно взглянула на собеседника.

– Я же не успеваю, дорогая… Дела, дела…

Гоуска, представитель чешской фирмы «Колбен-Данек», долгое время был в разъездах. Эльвира знала об этом, знала, что у Гоуски большая семья. Но он был человек состоятельный, человек изворотливый и предприимчивый. Он мог сорить деньгами ради своего удовольствия, не задумываясь о завтрашнем дне.

– А что теперь вы собираетесь делать?

– Хочу пригласить вас поехать со мной в Швейцарию. Сейчас лучшее время для такой прогулки.

– Опоздали.

– Почему?

– Я подписала контракт с «Амбаси».

– Как жаль… Как жаль. А у меня заманчивый план.

– Я тоже очень жалею, – с наигранным огорчением сказала Эльвира.

– Но могу ли я рассчитывать, что в свободное время…

– Как всегда.

– Значит, по-прежнему друзья! – воскликнул Гоуска.

– Да, хоть вы этого и не заслужили… – Эльвира с улыбкой посмотрела на Гоуску и вдруг вспомнила: они встретились в «Карлтоне». Всегдашний практицизм сейчас же подсказал ей нужный шаг: возможно, Гоуска имеет сведения о лорде Ренсимене.

– Вы знаете, что в Праге гости? – спросила она.

Гоуска улыбнулся.

– Чего только я не знаю! Вы имеете в виду английского лорда?

– Да.

– Я даже могу вам предсказать, чем кончится миссия лорда Ренсимена.

– Вот как! Интересно.

Гоуска огляделся по сторонам и, убедившись, что по соседству никого нет, продолжал:

– Ренсимен поможет Адольфу Гитлеру захватить Судеты, а возможно, и всю Чехословакию. Его миссия «доброй воли» обернется для нас не совсем так, как многие этого ждут.

Эльвира сделала большие глаза. Не потому, конечно, что слова Гоуски ее удивили. Нет. А для того, чтобы Гоуска поверил в ее полную неосведомленность.

– Поверьте мне, – убежденно повторил Гоуска, – так и будет. И, по правде говоря, ни я лично, ни наша фирма ничего на этом не потеряем. Мы верим господину Шахту и деловым людям Германии. Приход нацистов не повредит нашим интересам. Нисколько. Конечно, Англия заинтересована в том, чтобы Гитлер не один все скушал… Ведь неспроста Ренсимен взял с собой такую проныру, как Гуэткин.

– Гуэткин?.. – Эльвира прищурила левый глаз. – Не слышала.

– Гуэткин, начальник отдела экономических соглашений английского министерства иностранных дел, – разъяснил Гоуска. – Приехал с лордом в качестве эксперта. Поговаривают, что он из русских евреев. Насколько это верно, судить не берусь. Но что он делец – это бесспорно. Один из секретарей Гуэткина – мой друг еще по Парижу. Я его встретил вчера в «Карлтоне» и перекинулся с ним двумя-тремя словами… Мы поговорим поосновательней в ближайшие дни.

– Что же он за человек, этот его секретарь? – заинтересовалась Эльвира.

– Обаятельная личность. Сравнительно молод, недурен

собой, большой весельчак и к тому же умница.

– О! Это уже любопытно, – Эльвира положила свою руку на руку Гоуски. – Надеюсь, вы его мне представите?

– Непременно. Я его затащу в «Амбаси», когда вы будете танцевать.

– Чудесно! Только не забудьте.

– Это невозможно, моя дорогая.

3

Когда Эльвира добралась до Вацлавской, был уже вечер. Улицы осветились огнями фонарей, неоновыми рекламами. Почти бесшумно, с легким шорохом скользили по черному зеркалу асфальта цветные разномарочные машины. Улицы Праги шумели по-вечернему.

Эльвира шла пешком, что случалось с нею редко, радуясь движению оживленной толпы.

Зал кафе «Шроубек» еще не заполнился. Мягкий рассеянный свет укрытых абажурами ламп не утомлял зрения. Столики сняли белизной скатертей, сверкали нарядной сервировкой.

Обермейер ждал сестру за столиком у окна.

Эльвира и Мориц по внешнему виду были резкой противоположностью. Трудно было предположить, что они родные брат и сестра. Между ними не было ничего общего. Эльвира носила фамилию брошенного ею мужа – Эрман. Поэтому

мало кто знал об их кровном родстве. Это вполне отвечало интересам Обермейера. Между ними было условлено, чтобы Эльвира без крайней необходимости не называла себя его сестрой.

– Ну, как подвигаются дела? – спросил Обермейер, когда Эльвира села за столик.

Она отвечала с досадой в голосе. Нет, ей вовсе не по вкусу поручение брата. Легко сказать, познакомиться с англичанами! Если бы хоть кто-нибудь из них появлялся на людях в одиночку, а то ведь всегда в сопровождении целой своры помощников, телохранителей и шпиков. Ну, а если бы и не было провожатых? Как она может навязаться на знакомство? Она без всякого толку потеряла двое суток в Праге, а ей нужно готовиться к выступлениям, репетировать.

– Не горячись. Я не толкаю тебя на необдуманный шаг. Что такое два дня? Пустяки. Поживи здесь с недельку. Я переговорил с Жаном и надеюсь, что он что-нибудь придумает.

В конце концов Эльвира согласилась, но без всякого увлечения. Она плохо верила в успех и не возлагала больших надежд на Жана, который, конечно, ничего не придумает, сколько бы ни старался. Да и вообще ей надоели сумасбродные поручения брата. Сегодня ему хочется, чтобы она познакомилась с кем-нибудь из свиты лорда Ренсимена, завтра – с ним самим, а послезавтра – с Чемберленом или Даладье! Это все не так легко, как кажется.

Немного успокоившись, Эльвира сказала, что завтракала

с Гоуской.

– С твоим старым знакомым?

– Да.

– Что полезного ты извлекла из этой встречи?

Эльвира коротко рассказала о своей беседе с Гоуской и его обещании познакомить ее с одним человеком из окружения Ренсимена.

Обермейер насторожился.

– Вот видишь! Ты, оказывается, уже добилась определенных успехов.

– Очень определенных, – иронически усмехнулась Эльвира.

– Ничего, ничего… Не все сразу делается. Когда он обещал представить тебе этого господина?

– Об этом мы не уславливались.

– Почему?

– Странный ты человек, Мориц! Гоуска от меня без ума, а я, видите ли, буду настаивать на знакомстве с новым человеком. Надо же чем-то мотивировать мое пылкое желание познакомиться с ним.

– Да… – неопределенно протянул Обермейер. – Впрочем, мне на эти тонкости наплевать. Надо действовать…

Глава вторая

Зал «Амбаси» был переполнен, только отдельные столики, заранее заказанные постоянными посетителями, еще оставались свободными.

Предстоящее выступление новой танцовщицы, разрекламированное предприимчивым хозяином, вызвало интерес. Публика все прибывала, и официанты, несмотря на все свои старания, едва успевали ее обслуживать.

Кабаре «Амбаси» славилось в Праге как увеселительное место для избранных. Сюда съезжались только денежные люди. Благодаря предприимчивости хозяина каждый вечер, проведенный в «Амбаси», оставлял у посетителей впечатление яркого, пряного, шумного праздника, о котором приятно вспомнить. Праздника ждали и сегодня.

Позже других в зале появился Гоуска. Говоря откровенно, он сегодня не был расположен ехать в «Амбаси», и только надежда встретиться с Эльвирой заставила его изменить решение, которое он принял утром.

Правый глаз Гоуски был закрыт небольшой черной повязкой. Одним глазом смотреть было непривычно, неудобно. Гоуска чувствовал себя неуверенно, шагал как-то бочком и проходил мимо знакомых, не узнавая их. Подойдя к своему постоянному столику, Гоуска увидел кружащуюся посреди зала Эльвиру. Она танцевала вальс Вебера.

Гоуска сел за столик и закурил сигару. Наблюдая за Эльвирой, он изредка касался двумя пальцами черной повязки на глазу.

Закончив танец, Эльвира, придерживая складки шифонового платья и кланяясь на аплодисменты, подошла к Гоуске и села с ним рядом.

– Вы очаровательны сегодня, – сказал Гоуска.

– Только сегодня?

– Опять вы придираетесь к каждому слову.

– Расскажите, пан Гоуска, что с вами? – она кивнула на его повязку.

Оживление погасло на лице Гоуски, он позеленел.

– Дикие вещи происходят в наши дни, – сказал он с возмущением. – Вчера я был в баре «Юлиша». Там встретил Марго. Помните словацкую цыганку? Вы ее должны знать. Она когда-то в «Амбаси» служила бар-дамой… Я пригласил ее на танец… И, можете себе представить, меня, приняли за семита! Разве есть у меня что-нибудь общее с евреем?

– С этой повязкой – пожалуй… – рассмеялась Эльвира.

– Вы все шутите, – с упреком сказал Гоуска. – Но слушайте дальше. Подходит ко мне здоровенный верзила, один из молодчиков Гейнлейна, толкает в грудь и рычит: «Эй ты, еврейская морда! Вон отсюда! А то я тебя отучу не только танцевать, но и передвигаться на своих ногах!» Вы только подумайте! Я возмутился, но тут явился второй верзила и без всяких предисловий – бац меня по физиономии чем-то

твердым! Разыгрался скандал… Вызвали полицию. Эти типы оказались сынками немецкого фабриканта из Либерец. Они лаже не посчитали долгом извиниться, когда им разъяснили, что я не еврей, а чех. Но еще больше возмутила меня наглость нашей полиции. Мне посоветовали помириться с этими дегенератами. Вы представляете себе?

Эльвира кивнула головой и прикусила нижнюю губу, сдерживая смех. Несчастный Гоуска, какой жалкий у него вид!

– Но все это мелочи, – продолжал Гоуска. – Вчера случился эпизод поинтересней. Я был свидетелем. Вы конечно, знаете гордость нашей Праги – пивную святого Гомаша. Так вот, в полдень я сидел там за кружкой пива, и вдруг вваливаются гурьбой итальянские журналисты – они всюду рыщут за сенсациями. Вот они и решили под видом экскурсии заглянуть в знаменитую пивную. Сопровождал их один из сотрудников итальянского посольства, я его знаю в лицо. А эти макаронники, эти пронырливые черти действительно смахивают на евреев. К тому же они были навеселе. Неподалеку от меня за двумя столиками сидели «влайковцы», питомцы генерала Гайды, человек восемь или девять. Они уже солидно нагрузились. Вот один из «влайковцев», этакий здоровенный громила, наклоняется ко мне и спрашивает шепотком, кивая в сторону макаронников: «Израильтяне?» Не предвидя ничего дурного, я ляпнул: «Похоже, что так». Ляпнул и пожалел. Встал этот буйвол, подошел, раскачиваясь, к итальянцам и как двинет ногой в их стол. Боже ты мой! Что тут

началось! Грохот, крик, потасовка!.. Пока вмешалась публика, пока разняли, пока разобрались, пока итальянцы предъявили свои дипломатические паспорта и визитные карточки, «влайковцы» успели на совесть расписать им физиономии и намять бока. А лучше всего финал. Враги составили столы вместе, сели и, обнимаясь, начали общую попойку.

Гоуска хохотал, утирая платком слезящийся здоровый глаз.

– Вот Бог вас и наказал, – тоже смеясь, заметила Эльвира.

– Пожалуй, вы правы, – согласился Гоуска. – Будете пить вино?

Эльвира молча кивнула головой.

Гоуска потребовал «Шерри», а для себя коньяку.

– Где же ваш друг?

Гоуска уставился одним глазом на Эльвиру.

– Кого вы имеете в виду?

– Очень мило! Вы же обещали познакомить меня с секретарем Гуэткина.

– Ах, да! Помню, помню. Но, к сожалению, в эти дни я не видел его.

Подошел официант и поставил на стол бокал и рюмку. Наливая вино Эльвире, он склонился над ее ухом.

– В кабинете номер два вас ждет господин Прэн.

«Вот это интереснее», – решила Эльвира и неторопливо встала.

– У меня деловой разговор с администрацией, – сказала

она Гоуске. – К сожалению, я должна вас покинуть.

Гоуска разочарованно развел руками.

– Искренне огорчен, убит… – бормотал он, целуя руку Эльвиры. – Может быть, вы скоро освободитесь?

– Едва ли, – бросила она уже на ходу.

Прэн, сотрудник прессы американского посольства в Праге, был неравнодушен к Эльвире. Она это знала и старалась использовать Прэна в своих интересах.

Прэна считали специалистом в области внешней политики, человеком, имеющим большие связи, но практическая деятельность Прэна оставалась для многих тайной.

Эльвира вошла в кабинет и остановилась в нерешительности: в комнате никого не было. На столе стояла большая ваза с фруктами и бутылка шампанского. На спинке кресла висел пиджак спортивного покроя.

Эльвира оглянулась. Обстановка складывалась благоприятно, можно было рискнуть. Эльвира быстро подошла к креслу и опустила руку в карман пиджака. Она нащупала пачку сигарет. В другом кармане оказался носовой платок и какой-то ключ, в третьем – нагрудном – ничего не было, а из четвертого торчали автоматическая ручка и карандаш. Так же тщательно Эльвира обследовала и внутренние карманы. Один оказался пустым, а из второго Эльвира вынула записную книжку и быстрым движением сунула ее за свой широкий шелковый пояс.

Бесшумно раздвинулись драпри, показался Прэн.

– Роберт! Как я рада! – воскликнула Эльвира.

Целуя ей руку, Прэн спросил:

– Кто этот человек, с которым ты сидела?

– Ах, вот оно что! – Эльвира звонко рассмеялась. – Роберт ревнует! Я сидела с чехом. Это видный деловой человек Праги.

– Настоящих деловых людей можно найти только в Америке.

– Ты в этом уверен?

– Да.

– Нескромно с твоей стороны, мой милый!

…В первом часу ночи Эльвира снова появилась в зале. Джаз непрерывно играл танго и слоу-фокстроты.

Обермейер, ждавший сестру у окна, с подчеркнутым раздражением посмотрел на часы.

– Где ты пропадала?

– Виделась с Прэном.

– Черт знает что! Мы опаздываем. Едем же!

– Ты взял все, что нужно?..

– Да, да, да, – сухо ответил Мориц.

Когда машина тронулась, Обермейер поинтересовался:

– Ну, как себя чувствует твой Прэн?

Эльвира рассказала о встрече. Потом она вынула записную книжку и молча подала брату.

– Это что?

– Записная книжка.

– Прэна?

– Да.

– Почему она у тебя?

Эльвира рассказала.

– Ты уверена, что он ничего не заметил?

– По-моему, да, – не совсем твердо произнесла Эльвира.

– Смотри, как бы не дошло до скандала.

– Пустяки… Из Прэна я могу веревки вить. Допустим даже, что он видел. Что за беда? Я всегда найду, что сказать.

Глава третья

Милаш Нерич проснулся, против обыкновения, поздно: стрелка на ручных часах подползала к цифре двенадцать. Лампа на тумбочке, которую он не погасил вечером, продолжала гореть. Ее неестественно бледный, рассеянный свет тонул в лучах солнца, проникавших в комнату сквозь неплотно сдвинутые шторы окна.

И первое, что ощутил Нерич, была неприятная тяжесть в голове и горьковато-кислый привкус во рту. Мелькнула мысль: не заболел ли?

Он приподнялся, сел в постели и почувствовал тупую боль в висках. Нерич поморщился, неодолимо потянуло снова лечь. Он сомкнул веки, осторожно опустился на подушку, вытянулся и, не раскрывая глаз, попытался сообразить: что же было причиной такого долгого и тяжелого сна?

Вчера он заснул рано и как-то внезапно, даже не успел выключить свет настольной лампы. Перед сном читал длинное письмо из Белграда. Читал, с трудом пересиливая дремоту. Помнится, успел вложить письмо в конверт и сунуть его под подушку. Спал крепко, очень крепко. Ни разу не проснулся за ночь и не притронулся к стакану с минеральной водой, который поставил с вечера на тумбочку, полагая, что после сытного ужина его будет мучить жажда.

В чем же причина?

Собираясь с мыслями, Нерич повернулся на бок, почти машинально сунул руку под подушку и… содрогнулся.

Конверта, который он засунул туда с вечера, не было. Он приподнялся, сдвинул подушку с места. Сердце билось учащенно. Нерич соскочил с кровати, сбросил на пол одеяло, простыню, перевернул матрац – конверта нет. Он опустился на колени, заглянул под кровать, потом выдвинул ящик тумбочки.

Письмо исчезло…

Холодная испарина выступила на лбу Нерича. Он тяжело опустился в кресло, принуждая себя к спокойствию, пытаясь последовательно восстановить в памяти все события вчерашнего дня.

В них, казалось, не было ничего, что выходило бы из круга его привычных действии. Он провел несколько деловых встреч, зашел на главный почтамт, потом сходил к антиквару, получил закрытое письмо, пообедал, вернулся в отель. Ужинал у себя в номере. В начале одиннадцатого лег в постель, прочел письмо и уснул. Вот и все.

Повернув голову, Нерич посмотрел на дверь. В замочной скважине торчал ключ. Он никогда на ночь не вынимал ключа из двери, не нарушил этой привычки и вчера. И, чтобы окончательно проверить себя, Нерич подошел к двери, дернул ее. Дверь была заперта.

Куда же исчез конверт с письмом? Не мог же он рассыпаться в пыль! И тем не менее, в номере его не было. Выкра-

ли? Но как? Каким образом? И кто это сделал? Кто сумел проникнуть в запертую изнутри комнату, проникнуть незаметно, не разбудив его, человека осторожного и чуткого, который просыпается от малейшего шороха?

А что, если в самом деле выкрали? При этой мысли Нерич похолодел.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, Нерич стал машинально натягивать на себя сорочку, брюки, пиджак. Необходимо что-то предпринять, и предпринять немедленно, но что – он и сам еще не знал.

Но кто, кто взял письмо? Впрочем, так ли это теперь важно? Важно, что пропало письмо, заключающее в себе государственную тайну Югославии.

В нарушение устоявшейся с годами привычки, Нерич закурил натощак. Жадно несколько раз затянулся папиросой и почувствовал головокружение. Он снова опустился и глубокое кресло, сизые облака дыма окутали его.

Постепенно сознание подсказало ему, что произошло что-то гибельное, непоправимое.

Постоянно живя в Карловых Варах, Нерич работал ассистентом в терапевтической клинике профессора Лернэ. Медицина была официальной профессией Нерича. Но он имел и другую профессию – неофициальную. Он был разведчиком. В 1932 году, вернувшись домой, в Югославию, после окончания Пражского университета, Нерич был призван в армию для прохождения военной подготовки, а потом зачис-

лен на специальные курсы. Там он принял предложение разведотдела Генерального штаба Югославской армии снова отправиться в Чехословакию, которую он неплохо изучил за пятилетнее пребывание в Праге.

Его убедили, что в этом предложении нет ничего, что могло бы потревожить его совесть. Так устроен мир. Каждая страна стремится знать все тайны своих соседей. Югославия к тому же питает недоверие к определенным военным и правительственным кругам Чехословакии и, в частности, к таким лицам как Годжа, Беран, Махник, Сыровы, Крейчи и к их близкому окружению. Опасным является стремление Германии проникнуть в Чехословакию, используя судетскую проблему.

Перед Неричем поставили задачу: контактируя свою разведывательную работу с югославским военным атташе в Праге и прикрываясь деятельностью врача, выяснить, какие позиции завоевывает Германия в Чехословакии, кто поддерживает в этой стране прогерманский курс, как реагирует на это высший офицерский состав. В то же время Белград интересовался югославской политической эмиграцией, осевшей в Праге.

Вот и все задачи. И до сегодняшнего дня, казалось, ничто не мешало Неричу выполнять несхожие функции профессионального врача и разведчика, живущего на нелегальном положении. Он еженедельно приезжал в Прагу, задерживался в ней на денек-другой, встречался со своими «друзьями» по

нелегальной профессии, получал через засекреченное лицо – малоприметного в городе антиквара – очередную почту, идущую дипломатическими каналами, сдавал ему свои письма и возвращался в Карловы Вары.

Теперь эта привычная работа нарушена исчезновением письма.

Нерич растерялся. Все письма из Белграда он обязан был, по ознакомлении с ними, возвращать на вторые сутки. Так он делал почти все три года своей работы, так должен был поступить и сегодня. Что теперь делать?

Сказать, что сам уничтожил письмо, – не поверят. И не поверят потому, что он никогда к такому средству не прибегал, да и письмо по содержанию было слишком серьезно. В нем Белград обращал внимание своего резидента на то, что под прикрытием так называемого гейнлейновского движения в чешских Судетах Германия планирует захват Чехословакии. Видные чехословацкие деятели настроены германофильски и всеми средствами содействуют Гитлеру в реализации его агрессивных замыслов.

Письмо содержало указания, как Неричу вести себя дальше.

И такое письмо исчезло… Карьера, столь успешно начатая, грозила внезапно и трагически оборваться. Неведомый похититель уже знает, что он, Нерич, не только врач-терапевт и ассистент известного профессора Лернэ, но и тайный агент чужой страны. Этот некто, возможно, держит сейчас в

своих руках письмо и размышляет над тем, как лучше его использовать.

А если похититель – лицо, о котором идет речь в письме? Дрожь пробежала по телу Нерича. С разоблаченными агентами не шутят.

Немедленно же нужно сообщить обо всем в Белград. Немедленно… Иного выхода нет. Он, возможно, попал в ловушку, расставленную его невидимыми врагами, и надо напрячь все силы, чтобы выбраться из нее.

Нерич, не раздумывая больше, сел за стол и начал писать шифровку. Он быстро набросал несколько строк. В дверь постучали.

«Странно, – подумал Нерич, откладывая перо, – кто может стучаться ко мне?»

Свидания здесь, в «Империале», он никому не назначал, да это было бы по меньшей мере неосмотрительно с его стороны. Быть может, пришел кто-нибудь из администрации отеля?

Стук повторился. Нерич подошел к двери, повернул ключ два раза и взялся за ручку.

Перед ним стоял его друг Мориц Обермейер.

Нерич пропустил гостя в комнату и, плохо скрывая растерянность, спросил его:

– Чем обязан удовольствию видеть тебя?

Обермейер молча улыбнулся, обнажив свои крупные длинные зубы и неприятно бледные, точно восковые, десны.

На несколько секунд он задержал свой взгляд на столе, потом неторопливо сел в кресло.

Живя в Карловых Варах, Нерич часто посещал дом Обермейера. Но Обермейер у него был не больше двух раз. Тем более странным и необъяснимым показался Неричу визит Обермейера в отель «Империал».

«Черт его принес не вовремя!» – с досадой подумал Нерич.

Обермейер между тем взял из открытой коробки, стоящей на столе, длинную болгарскую папиросу, вгляделся в этикетку, чему-то усмехнулся и небрежно бросил папиросу на стол. Потом вынул из кармана сигару, откусил ее кончик и закурил.

Нерич быстро задвинул ящик стола, в который успел спрятать начатую телеграмму, и сел напротив гостя.

Нерич знал, что Обермейер, как судетский немец, является участником гейнлейновского движения; ходили упорные слухи, что он связан с гестапо.

В планах своей работы в Чехословакии Нерич никогда не выпускал из виду Обермейера, рассчитывая при случае использовать его в своих интересах. Втайне он лелеял надежду, что рано или поздно ему удастся привлечь Обермейера к сотрудничеству в пользу югославской разведки. Этим отчасти можно было объяснить и его посещения друга, и его ухаживание за сестрой Обермейера Эльвирой Эрман.

Нерич был твердо убежден, что Обермейер знает о нем

лишь то, что знают все, то есть что он занимается медициной.

Но сейчас Нерич вдруг поколебался в этом своем убеждении. А если Обермейер знает больше? Легко предположить, что нацистская Германия имеет своих надежных людей в Югославии. Профессия разведчика так опасна, так чревата неожиданностями! Беспощадная тайная война не прекращается ни на один день.

Размышляя об этом, Нерич тревожно посматривал на длинного, костлявого Обермейера. Мориц аккуратными колечками пускал фиолетовый дымок и щурил свои бесцветные, лишенные жизни глаза. На гонких губах играла ироническая улыбка.

Эта улыбка еще больше насторожила Нерича.

Обермейер пошевелил бровями, такими же бесцветными, как и глаза, повертел между пальцами дымящуюся сигару, посмотрел на ее кончик и, не поднимая головы, спросил:

– Ты, Милаш, чем-то расстроен?

– Почему ты так думаешь?

Обермейер пожал плечами.

– Ты мне сегодня совсем не нравишься. У тебя неважный вид. Ты нездоров?

– Да нет… как будто все в порядке.

– Как будто?

– Пожалуйста, не придирайся к словам.

– О! Ты нервно настроен.

– Я?

– Ты, Милаш.

Разговор между старыми друзьями не ладился. Нерич закурил болгарскую папиросу с длинным цветным мундштуком, встал и начал ходить из угла в угол.

«Не явился же он затем, чтобы сказать, что у меня сегодня плохой вид», – раздраженно думал Нерич.

– Перестань метаться, давай лучше поговорим, – резко сказал Обермейер.

Нерича покоробил этот вызывающий тон.

– О чем? – спросил он, сдерживая себя, чтобы не ответить резкостью.

Ссоры между друзьями случались. Нерич всегда был вспыльчив, а Обермейер слыл человеком необузданного нрава, любившим поиздеваться над людьми.

Несмотря на несходные черты характера, на студенческой скамье их связывала дружба. Более состоятельный Нерич частенько выручал безденежного Обермейера; Мориц, естественно, дорожил этой дружбой, не вполне бескорыстной. Они сохранили ее и после окончания университета.

– Садись! – повторил Обермейер. – Будем говорить о серьезном деле…

– У тебя ко мне дело? Любопытно. Я готов слушать, – сказал Нерич, но не сел, желая показать, что не считается с Обермейером. Он был раздражен, ему хотелось разозлить Морица.

– Как хочешь, – к удивлению Нерича, спокойно сказал Обермейер. – Я полагал, что сидя ты лучше воспримешь то, с чем я хочу тебя познакомить.

Обермейер засунул руку во внутренний карман своего серого пиджака, извлек оттуда несколько листков бумаги и поднес их к лицу друга.

В глазах у Нерича зарябило. Он побледнел. Перед ним было директивное письмо из Белграда.

– Мориц! Так, значит, ты… Как оно попало к тебе?

Обермейер усмехнулся, давая понять, что вопрос Нерича наивен.

– Возьми.

Нерич схватил письмо: он лихорадочно разглядывал его, все еще не веря, что оно снова в его руках.

– Я рад, я очень рад. Ты настоящий друг… Хорошо, что все так благополучно кончилось.

– Для кого хорошо, а для кого не слишком, – растягивая слова, проговорил Обермейер.

Нерич удивленно поднял глаза.

– Не совсем тебя понимаю…

– В твоем положении следует быть сообразительней, – язвительно продолжал Мориц. – Письмо разоблачает тебя. Наконец мне удалось проникнуть в твою скрытую жизнь. Признаться, я огорчен. Мой неподкупный друг Нерич работает против моей родной страны, против Германии. Опасное занятие. Оно тебе может стоить жизни.

Глаза друзей встретились. Они будто изучали друг друга. Нерич пытался прочесть мысли Обермейера, но прозрачный холодный взгляд гестаповца ничего не выражал.

– Теперь ты мой враг, – сказал Обермейер. – Но ты можешь снова вернуть мою дружбу. Стоит только произвести переоценку ценностей.

– На что ты намекаешь? – с трудом выговорил Нерич.

– Мы оба разведчики, оба работаем в чужой для нас стране. Разница лишь в том, что немцы скоро будут здесь хозяева, а вы, югославы, никогда…

Нерич начинал понимать, к чему клонится дело.

– Шантаж тебе не поможет, – сказал он, сдерживая поднимающуюся в груди злобу. – Я сегодня же сообщу обо всем в Белград. Я готов понести заслуженное наказание, брошу работу разведчика, но предателем не стану.

– Наивно, мой дорогой, и глупо, – невозмутимо произнес Обермейер. – Должен сознаться, я давно уже догадался, чем ты занимаешься в Чехословакии. Больше того, мне известны и некоторые твои высказывания, за которые тебя не погладят по головке.

Обермейер вынул из портфеля микропатефон и несколько прозрачных целлулоидных пластинок размером с десертную тарелку. Положив одну из них на диск, он воткнул штепсель в стенную розетку, и диск завертелся.

Нерич услышал самого себя, услышал свой голос. Кровь отлила от его лица, он со страхом посмотрел на Обермейера.

Патефон говорил:

«…мы не можем спокойно смотреть на ту карусель, которая вертится у нас в Югославии. По моим подсчетам, за последние два десятилетия у нас сменилось около сорока правительственных кабинетов. Кому это на руку? Кому угодно, но не нам. Немцам, итальянцам, англичанам это на руку, но не нам…»

Диск вертелся мучительно медленно, словно Обермейер умышленно замедлил его ход. Голос Нерича звучал отчетливо и твердо:

«Я за крепкую, устойчивую монархию. Многие югославы возлагают большие надежды на последнего из династии Кара-Георгиевичей. Мы ждем, когда возмужает Петр…»

Грамзапись не вызывала сомнений в подлинности этих слов. Память сразу же воскресила обстановку, в которой Нерич их произнес. Но как и кем его слова были записаны? Как попали пластинки в руки Обермейера?

Голос Нерича продолжал:

«А что говорят принц Павел и его прелестная супруга Ольга? По сути дела они, пользуясь случаем, распродают страну оптом и в розницу, а такие типы, как Стоядинович,

состоят на содержании у Геринга и помогают ему…»

Голос наконец умолк, диск остановился.

– Узнаешь свои речи? – усмехнулся Обермейер.

Нерич подавленно молчал. Минуту назад он был готов к яростной самозащите. Теперь он сразу надломился.

– Продолжим? – спросил Обермейер. – У меня есть еще кое-что из твоих конфиденциальных высказываний, и более откровенных, чем эти… Попробуем.

Он взял новую пластинку.

Нерич поднял руку: нет, он больше не хотел слышать свой голос.

– Хорошо, – согласился Обермейер и лицемерно добавил. – Я понимаю, это неприятно…

Да, Неричу было неприятно. Больше того – страшно. Он испытывал отчаяние гибнущего человека, который не видит надежды на спасение.

– Как видишь, дорогой Милаш, – говорил Обермейер, пряча в портфель патефон и пластинки, – все складывается не в твою пользу. Но у тебя есть выбор. Откровенно говоря, мне бы хотелось, чтобы мы по-прежнему остались друзьями.

Нерич молчал. Спустя минуту пробормотал устало:

– Ты называешь это дружбой? Странно.

– Что странно?

Нерич прикрыл глаза рукой.

– Так друзья не поступают.

Обермейер посмотрел на друга с жалостливой усмешкой.

– Оставь сентиментальности, это смешно. Ты хочешь сделать благородный жест: сообщить в Белград о том, что тебя обокрали. Прекрасно. Допустим, что тебя не посадят за решетку и в лучшем случае отзовут на родину. Ну что за птица ты будешь там? Заштатный лекарь в какой-нибудь деревеньке? Приятная жизнь: с утра до ночи возиться со вшивыми пациентами! Ну а как отнесутся принц Павел и княжна Ольга к твоим высказываниям? Ты надеешься, что они тоже сентиментальны?

Упоминание о принце Павле Нерич воспринял как намек на безжалостную расправу.

– У тебя единственный выход: идти со мной, с немцами, с Германией. Будущее на ее стороне, а Югославия… Югославия! Впрочем, рано еще говорить об этом. Подумай над моим предложением.

Да, нужно было думать. Если за похищенное письмо, за то, что Нерич позволил расшифровать себя его в лучшем случае отзовут и разжалуют, то за высказывания против Павла и Ольги лишат жизни. Таких обид не прощают. При Павле работает специальный внесудебный орган, который тайно и быстро решает судьбу человека… А если принять предложение Обермейера? Как обернется дело в этом случае? Он останется жив, останется тем, кем был, и Обермейер, конечно, не даст этой истории огласки. Правда, Обермейер постарается выжать из него все, что может. Но другого выхода

нет…

А Обермейер, как бы читая мысли Нерича, повторил:

– У тебя единственный выход – идти со мной.

Нерич поднял голову.

– Что ты потребуешь от меня?

– Пока немного. Я хочу располагать копиями писем, которые ты получаешь из Белграда и отправляешь в Белград. Это первое. Второе: изредка я буду вносить кое-какие коррективы в твои информации. О третьем условии мы поговорим позднее. Это все.

Что означает «это все», Нерич понимал хорошо. В своих донесениях в Белград он сообщал о военном потенциале Чехословакии, о настроении ее правительственных кругов, о происках судетских фашистов, о деятельности югославской политической эмиграции и т. д. Все эти сведения теперь будут доступны Обермейеру.

– Это невозможно, – быстро проговорил Нерич.

– Глупости. Разве тебя больше устраивает виселица?

Разговор превращался для Нерича в пытку. Он чувствовал, как холодеет его сердце, как дрожь охватывает тело. И он решился.

– Я согласен.

Обермейер поднялся с кресла, подошел к Неричу и положил руку на его плечо.

– Разумное решение, – и, не скрывая иронии, добавил. – На твоем месте я поступил бы так же, – он помедлил, разду-

мывая. – Не сомневаюсь, у тебя рано или поздно пробудится профессиональный интерес к тому, каким образом конверт с письмом попал в мои руки. Могу рассказать теперь же.

Он подошел к стенному шкафу и открыл обе дверцы. На Нерича пахнуло горьковато-кислым запахом, который он ощутил, проснувшись сегодня утром.

– Сегодня ночью я был твоим соседом и по мере сил помог тебе хорошенько уснуть… Слышишь запах? До сих пор не выдохся. Стенку в шкафу, действуя умело, можно раздвинуть и опять сдвинуть. Понял? Познавай ремесло. И не унывай. Ты проиграл, но ты и выиграл. В этом скоро убедишься… Оставайся моим другом и всегда желанным гостем.

Обермейер взял портфель и двинулся к выходу. Но у дверей задержался.

– Вот еще что, друг. В твоей квартире, в одной из комнат, висят картины. Одна из них – копия «Вокзала Сен-Лазар в Париже» Монэ, мне она всегда нравилась. За нею я установил микрофон. Убери его оттуда. А второй убери из спальни, он под карнизом над портьерой. Теперь микрофоны не нужны. Доверие друг к другу мы восстановим на новых началах. Будь здоров!

Толкнув дверь ногой, Обермейер вышел. Нерич несколько минут стоял неподвижно, глядя вслед ушедшему разведчику.

Так вот каков Мориц Обермейер, человек, с которым он дружил, которого в трудную минуту ссужал деньгами!

Мориц был известен в университете не своими успехами в науках, а умением искусно драться на рапирах и стрелять из пистолета. Об этом красноречиво говорили два шрама, – следы ударов, нанесенных ему противниками, – один на носу, другой ниже левого уха. Он и теперь сохранил былые привычки: ежедневно, как правило, выпускал обойму патронов в мишень, тренированной рукой вгоняя одну пулю в другую. Вначале Обермейер решил стать врачом, но, проучившись два года на медицинском факультете и не проявив никаких способностей, перебрался на юридический. По окончании университета Обермейер как юрист не прославился, и о роде его занятий ходили самые разноречивые слухи. И только в оценке характера Обермейера люди сходились на одном: Обермейер хорошо владел собою, мог сделать вид, что не помнит обиды, но обида всегда торчала острой занозой в его сердце. Обид Обермейер не прощал. Он любил исподтишка подставлять ножку людям – даже друзьям своим, – и проделывал это с большим удовольствием.

И вот Обермейер поймал в ловушку Нерича.

Нерич, сын помещика, входил в жизнь легкой походкой, по дороге, проторенной богатым отцом, без лишней затраты сил, без тревог и волнений, не заботясь о куске хлеба. В зрелом возрасте он был твердо убежден, что если и есть люди умнее его, то этих людей не слишком много. Он относил себя к числу натур непосредственных, одаренных, страдал от избытка тщеславия и жил в плену собственного непомер-

ного честолюбия. Легко взбирался он по ступенькам жизни. Карьера его складывалась счастливо. И вдруг все погибло.

«Пистолет! – мелькнула отчаянная мысль. Он ощупал пистолет в кармане. – Уйти от позора. Не станет меня, и всему конец…»

Но страх смерти тотчас же погасил эту мысль. Есть же какой-нибудь выход, не может не быть…

Нерич подошел к окну и распахнул его настежь. В комнату ворвался свежий воздух, шум городской жизни. Августовское солнце заливало ярким светом оживленные Пожичи. Пенилась и плескалась жизнь, обещая новые радости, удачи, счастье.

Глава четвертая

1

Божена Лукаш сидела у окошка № 3 в зале главного пражского почтамта. Она обслуживала клиентов, получающих письма до востребования. Здесь впервые и увидел ее Нерич. Большие голубые глаза, ясные и вдумчивые, так выразительно посмотрели на Милаша, что он невольно задержался у окошка. Он делал вид, что рассматривает почерк на конверте. Это было единственное письмо, адресованное ему до востребования. Как разведчик, Нерич не пользовался таким видом корреспонденции. И вряд ли когда-нибудь ему снова пришлось бы обратиться к девушке с вопросом: «Нет ли мне письма, барышня?» Нерич, раздумывая над тем, как ему познакомиться с девушкой из почтамта, нашел такой простой способ: нужно, чтобы на его имя до востребования приходило побольше писем, а для этого он должен сам себе писать и отправлять письма. Приключение было безобидно и походило на шутку.

Второе письмо Нерич получил через два дня, и на этот раз заговорил с девушкой. Божена учтиво отвечала на вопросы клиента и один раз даже улыбнулась.

Письма стали приходить через день, а потом и ежедневно. Нерич уже с усилием подбирал фамилии и адреса своих «корреспондентов» и подолгу трудился над конвертами, стараясь поискуснее изменить свой почерк. Впрочем, необходимость в такой кропотливой работе вскоре отпала: он ближе познакомился с девушкой и узнал, что ее зовут Божена Лукаш.

В один из теплых весенних дней Милаш умышленно опоздал и подошел к почтамту в ту минуту, когда Божена уходила с работы. Как всегда в последнее время, сегодня тоже было письмо. Божена, будучи девушкой любезной, вернулась в контору и принесла письмо. Нерич рассыпался в благодарностях и добился согласия Божены проводить ее до дому. Так повторялось несколько дней подряд, а потом и опоздания стали не нужны. Получая свои письма, Милаш уславливался с Боженой о встрече. Они бродили по вечерней Праге, заходили в кинотеатр и смотрели новые фильмы, болтали часами, прогуливались по набережной Влтавы, шутили, смеялись.

Встречи участились. И чем чаще они бывали вместе, тем больше нравилась Неричу Божена, тем радостнее было для него ожидание весенних вечеров, которые он проводил с нею. Он чувствовал, что влечение его к девушке не похоже на все, что он испытывал и переживал раньше. Его последнее увлечение – Эльвира – было совсем другого порядка. Эльвира казалась ему красивой, и только эту красоту, броскую и

вызывающую, он и видел в ней. Она обаятельно улыбалась, умела быть веселой, грустной, восхищенной, влюбленной, разочарованной. С нею было интересно проводить время. Но что-то искусственное, механическое чувствовалось во всем этом, и не раз, видя танцующую Эльвиру, он мысленно называл ее хорошо выдрессированным животным. И это красивое животное ему нравилось. Он догадывался о похождениях Эльвиры, знал о ее связи с Гоуской, но она всегда ловко умела убедить его в своей верности ему, Милашу, и он давал себя убедить, прощал ей прошлое. Одно время Неричу казалось, что он любит Эльвиру. Он каждый вечер просиживал в кабаре в ожидании ее выступлений, часами ждал ее у подъезда, ревновал ее к посетителям и даже к музыкантам из оркестра, следил за каждым ее шагом, движением, улыбкой, упрекая в каждом поступке, казавшемся ему подозрительным. Но чем больше безумствовал Милаш, тем смелее вела себя Эльвира. Поклонники не отходили от нее, и она не гнала их. Она говорила о них Неричу: «мои старые друзья», «мои деловые знакомые». Милаш пытался уличить ее во лжи, но даже явные свои измены она изображала как шутку, как желание вызвать в нем ревность. Нерич жил с постоянной болью в сердце. Он сознавал нелепость и унизительность своего положения, но не мог отказаться от Эльвиры. Постепенно влюбленность его потеряла остроту – он свыкся с положением одного из «друзей».

И вот Божена! Светлая, одухотворенная Божена. В ней

не было ни лживости, ни лицемерия, ни искусственности. В своей милой простоте она была непосредственна и ясна и, конечно, сразу почувствовала, что Нерич интересуется ею. Не допытываясь причин, Божена постаралась придать их встречам дружеский оттенок. Рассказы Нерича увлекали ее: он так много знал, так много видел, он казался ей человеком незаурядным, если не выдающимся. А Нерич любил и умел рассказывать. Божена готова была часами безмолвно сидеть рядом с ним и, слушая его, следить за тихими водами Влтавы. Очень скоро Милаш понял, что Божена любит его. В улыбке, взгляде, в интонациях голоса он угадывал ее чистое, ничего не требующее чувство.

Любовь Божены радовала и вместе с тем пугала Нерича. Пугала потому, что вначале он не добивался ничего, кроме мимолетного знакомства с этой хорошенькой девушкой из почтамта. Милаш не забывал, что Божена из простой рабочей семьи, что ее отец – железнодорожный машинист и старый коммунист. Он же, Нерич, – дворянин, сын богатого помещика, врач, человек из порядочного общества, аристократ. Если бы он и решился пренебречь сословными предрассудками, без согласия отца ему не обойтись, а родители, в чем Милаш ни на минуту не сомневался, никогда не позволят ему взять в жены дочь простого рабочего. Не считаться с волей отца нельзя, – он может лишить наследства. А что Нерич без наследства? Врач, своим трудом зарабатывающий себе на пропитание. Нет, нет! О женитьбе не может быть и

речи. Только легкое увлечение, веселая дружба, но не больше.

Нерич рвался к Божене всеми силами души. После кромешной ночи в отеле «Империал» и постыдного разговора с Обермейером он уже не мог оставаться наедине со своими мыслями. Божена была, пожалуй, единственным человеком, подле которого он чувствовал себя легко и беззаботно. Какое-то время он колебался: не рассказать ли ей обо всем случившемся? Но здравый рассудок отогнал эту малодушную мысль. Рассказать – значит выдать себя как разведчика. Он только еще больше запутает положение. И, наконец, это просто глупо, ничем не оправдано. Чем может помочь ему Божена? Ей – ни слова. Просто увидит ее, побудет с ней, услышит ее голос. Может быть, ему станет легче. Всю глубину своего падения Нерич осознал только на другой день после визита Обермейера. Как низко он пал! Как могло случиться, что он с такой легкостью, так бездумно, без сопротивления вошел в сделку со своей совестью? Почему не восстали его кровь и разум? Как быстро он перечеркнул все дорогое для человека: честь, самоуважение, любовь к родине! Каким именем его назвать? И как он будет жить дальше?

Происшедшее внесло разлад в его душу, раздвоило его чувства. Его совесть говорила двумя голосами. Один голос оправдывал, успокаивал, уверял, что иного выхода не было, другой – осуждал, обвинял, проклинал. Пытаясь найти корни своего падения, Нерич заглянул в далекое прошлое. За-

чем он связал свою судьбу с секретной службой? Зачем вернулся в Чехословакию? Чего он искал в жизни? Разве у его отца мало средств? Разве он не единственный наследник? Что его толкнуло на эту рискованную дорогу?

Второй голос брал верх. Сегодня утром в своей квартире в Карловых Варах, вскочив после бессонной ночи с помятой постели, Нерич со злой решительностью отправился к Обермейеру. В разгоряченном мозгу его сложился план действий. Он плюнет в лицо гестаповскому выкормышу Обермейеру, объявит ему, что никогда не станет предателем родины, и сообщит в Белград о ловушке, которую ему подстроили. А там будь что будет.

Но за два квартала до особняка Обермейера запас мужества и решительности иссяк. Перед гестаповским резидентом предстал безмолвный и удрученный Нерич. Он чувствовал себя ничтожным. Бурного объяснения не произошло. Он молча подал немцу для просмотра свое письмо в Белград…

В полдень Нерич покинул Карловы Вары. Ему хотелось скорее увидеть Божену. Он ждал ее у подъезда почтамта почти дотемна.

После незначительных фраз, обычных при встрече, Божена настороженно спросила:

– Что с вами? Чем вы расстроены?

Нерич предвидел этот вопрос.

– Да, милая, я расстроен. Утром я ассистировал на очень легкой операции, но она окончилась трагически: больной

умер. Как ненадежно все устроено на этом свете… Вчера человек жил в полную силу, наслаждался всеми благами существования, чувствовал, радовался, смеялся, на что-то надеялся, о чем-то мечтал, а сегодня превратился в труп, в бездушный объект для патологоанатома. Очень грустно…

Божена подняла на него внимательные глаза. Ее тревожило его нервное состояние.

– Вы очень впечатлительны, – сказала она.

– Да нет, я бы этого не сказал. Но такой печальный случай…

– Почему он умер? Кто виноват в этом?

– Отчасти я, отчасти профессор. Оба мы виноваты. Понадеялись на его сердце, дали слишком большую дозу наркоза, а оно не выдержало, сдало.

Нерич, наблюдая за собой как бы со стороны, с досадой подумал: «Как я легко лгу! А она мне верит».

Они долго бродили по вечерним улицам столицы.

На одном из перекрестков Божена остановилась и сказала, что ей надо забежать к подруге, Марии Дружек.

– Ваша подруга похожа на вас? – спросил Нерич, чтобы удержать девушку на одну лишнюю минуту.

– Нисколько… Мы совсем разные, и она старше меня на три года.

– Кто же эта девушка, простите за нескромность?

– Мария – диктор радиовещательной станции.

– И вы давно дружны?

– Да, мы долго жили соседями, вместе росли. Когда ее родители уехали в деревню, Мария осталась у нас.

…Возвращаясь в Карловы Вары, Нерич снова углубился в свои мысли. Теперь он упорно искал ответ на мучивший его вопрос: откуда Обермейер узнал о его тайной деятельности, кто предал его?

С бывшим югославским военным атташе в Праге Драже Михайловичем, жившим в Дейвицах, он встречался, педантично выполняя все правила конспирации. С новым атташе – тоже. Встречи по большей части происходили за пределами города, а после отъезда Михайловича он ни разу не бывал в бюро военного атташе.

Связь с Белградом поддерживалась через владельца антикварной лавочки, человека невидного, малоизвестного, но преданного и хорошо проверенного. Кто же предал? Кто-нибудь из его новых агентов? И вдруг неожиданно в памяти всплыла фамилия судетского немца Кунда. Он, и только он мог его раскрыть.

Нерич сбавил газ, машина пошла медленнее. Напряженно Нерич восстанавливал в памяти подробности своих встреч с Кундом. Их познакомил все тот же Драже Михайлович в Братиславе, во время загородной прогулки. Будь проклят этот Драже! Как взбрела ему дурацкая мысль свести Нерича с Кундом? Ведь Кунд – один из сообщников Конрада Гейнлейна.

Кунд несколько раз бывал в доме Нерича, участвовал в

товарищеских пирушках. Какая же он сволочь! На что только не способны гитлеровцы! Теперь-то понятно, с какой целью Кунд подсунул ему в горничные рыжую немку Берту, которая, конечно, все высматривала и подслушивала. И не без ее помощи, конечно, появились в его квартире проклятые микрофоны.

Злоба ослепила Нерича. Он с остервенением нажал на послушный акселератор; мотор взревел, и машина понеслась на предельной скорости.

– Выгнать Берту к черту! – шипел Нерич. – Немедленно выгнать…

2

Божена вернулась домой около десяти и была удивлена, не найдя в квартире отца. Что могло его задержать? Демонстрация и митинг в Лишине должны были, по ее расчетам, окончиться рано. Где же отец?

Божена взяла книгу и села у открытого окна. Не читалось. Она прошла на кухню, зажгла газ и поставила на огонь кастрюлю со вчерашним супом, потом бесцельно стала ходить по небольшой двухкомнатной квартирке, не находя себе места. Машинально одернула занавески на окнах, переставила с места на место вазочку с живыми цветами, вдохнула их запах, и ей почему-то стало грустно.

Скрытое, еще не осознанное беспокойство охватило ее.

Может быть оттого, что долго не возвращается отец? Или оттого, что сегодня рано рассталась с Неричем?

Нерич… Милаш… Он дорог ей. Ни с чем не сравнимую нежную радость доставляли ей встречи с ним. Она могла бы дни и ночи проводить подле него, слушать его, делиться с ним своими мыслями. Только врожденная гордость, боязнь показаться навязчивой заставляли ее сокращать время свиданий. Все, все нравилось ей в нем: и мужественность, и сильные плечи, и темно-карие глаза на смуглом лице, и обаятельная, открытая улыбка, обнажающая красивые зубы. И ум. Милаш умен – она не сомневалась в этом. Иначе он не мог бы работать ассистентом у такого видного специалиста, как профессор Лернэ. Божена отдала бы жизнь за то, чтобы Милаш навсегда остался с нею. Может быть, со временем… Если же этого не случится, она уже никого и никогда не полюбит. Любовь к Милашу не угаснет до конца ее дней.

Шум остановившейся около дома машины заставил ее вздрогнуть. Кто это может быть? Она не помнит, чтобы отец когда-нибудь пользовался машиной.

До ее слуха донеслись негромкие голоса.

Не отдавая себе отчета в своем испуге, Божена бросилась к дверям и… Нет, она даже не вскрикнула – голос отнялся. Она застыла на пороге. Старые друзья их дома, железнодорожники Зденек Слива и Карел Гавличек, бережно поддерживая под руки, ввели в комнату отца. Голова его до самых бровей была забинтована, на белой повязке проступили гу-

стые пятна крови. Он с трудом передвигал отяжелевшие ноги.

– Отец!.. Родной!.. – прижав кулаки к губам, готовая разрыдаться, прошептала Божена.

Отец взглянул на нее и страдальчески улыбнулся.

– Куда нам его положить? – спросил Гавличек.

– Вот кровать… сюда… сюда, – испуганно шептала Божена. Она быстро сбросила покрывало, взбила подушку, дрожащими руками помогла раздеть отца и положить его в постель.

– Вот так, – сказал Гавличек. – Курить ему не давай и вставать не разрешай. Если что нужно будет, прибеги ко мне домой… А ты крепись, Ярослав… Потерпи… На нашем брате все быстро заживает, уж такой мы народ, – и он подмигнул больному. – Ну, мы отправились.

Божена заперла за Сливой и Гавличеком дверь и присела к отцу на кровать.

Глубокие, но редкие морщины, точно шрамы, рассекали щеки Ярослава Лукаша. Серебристые нити путались в густых отвислых каштановых усах. Мерно вздымалась широкая грудь. Сейчас, когда Ярослав лежал, она казалась крутой, как наковальня. Осунулся отец, постарел. Сразу и заметно постарел. В первый раз он сдал, когда умерла мать, и во второй раз – сегодня. И только глаза оставались прежними: сосредоточенными и суровыми.

Боясь потревожить отца, Божена сдерживала слезы и мол-

чала. Она взяла его тяжелую, жесткую руку, осторожно положила к себе на ладонь и стала гладить ее.

Ярослав лежал неподвижно. Изредка на короткий миг он опускал тяжелые, будто набухшие веки, и тогда в уголках его глаз разглаживались морщинки.

Немногословен был отец, но Божена знала: под его внешней суровостью скрывается большое человеческое сердце. Отец никогда не обижал ее, да она и не давала к этому повода. Они жили душа в душу. Не только дочь, но и все хорошо знавшие отца ценили его великодушную, прямую и честную натуру.

Уже давно, с той поры, как отвезли на кладбище мать, между отцом и дочерью установилась внутренняя неразрывная близость, которая не боится никаких испытаний. Они знали друг друга и верили друг в друга.

Когда стенные часы отбили два удара, Ярослав Лукаш тихо проговорил:

– Иди отдыхай, – и устало закрыл глаза.

Божена продолжала сидеть в его ногах, не изменив позы. Ей не хотелось оставлять отца, она боялась одиночества. Ярослав пожатием руки снова дал понять, чтобы она уходила. Божена встала и вышла в свою комнату.

Но уснуть девушка не могла, не покидала тревога. Она не могла понять, что происходит вокруг. Сердце подсказывало ей, что тяжелое ранение отца имеет какую-то связь с демонстрацией в Лишине. Что случилось там? Ее отец неспособен

на непродуманный шаг.

Антонин и Мария говорят, что назревают события, которые неизбежно коснутся каждого дома, каждой семьи. Быть может, они правы. Возможно, что ранение отца – первый вестник приближающихся бедствий…

Не спал и Ярослав Лукаш. Старый коммунист, он хорошо понимал, какие грозные события надвигаются на его родину. Если бы он, выступая сегодня на митинге, не высказал резкого протеста против уступок, на которые пошло правительство в своих сношениях с фашистами, его бы никто и пальцем не тронул. А он высказал протест. Высказал прямо и честно. Он заявил, что нацистская партия судетских немцев во главе с Конрадом Гейнлейном, имя которого ненавистно каждому честному чеху, все больше наглеет в своих требованиях, а президент и правительство подыгрывают фашистам, потакают Гитлеру. Лукаш сказал: ошибается тот, кто думает спасти нацию ценой позорных уступок; никакие уступки не остановят врагов Чехословакии, врагов человечества. Ни шагу назад! Народ готов всеми силами бороться и отстаивать независимость родины. Он предпочитает открытую неравную борьбу позору и капитуляции. Лукаш требовал призвать к порядку нацистских провокаторов – гейнлейновцев, молодчиков Гайды и Глинки. Он высмеял лживую, двурушническую позицию правительственных кругов Англии и Франции, заигрывающих с Гитлером. Только Советский Союз, сказал Лукаш, является истинным другом че-

хословацкого народа.

Английские газеты призывают Чехословакию к благоразумию. А разве чехи и словаки не благоразумны? Разве они хотят отнять у Германии ее территорию? Как раз наоборот. Это немцы хотят отторгнуть от Чехословакии ее земли, отнять Судеты. Фашисты, вскормленные немцами, испещряют стены домов Праги надписями: «Смерть чехам!» О каком же благоразумии идет речь, и что после этого надо понимать под благоразумием?

Кому в стране не известно, что фашистская Германия усиленно готовится к нападению? С какой целью Гитлер восстанавливает бездействовавшие ранее железнодорожные линии и ветки у границ Судетов? Зачем строятся новые автострады? Для какой цели формируются на территории Германии легионы из судетских немцев?

Неужели ничего этого не видит правительство?

И, выражая волю простых людей Чехословакии, Лукаш закончил словами: «Коммунисты считают, что суверенитет нашей родины ни при каких обстоятельствах не может быть нарушен, ослаблен, подорван. Ни на словах, ни на деле. От этого мы не отступим ни на шаг…»

Спустя полчаса, когда Лукаш возвращался с митинга, в пустынной темной уличке на него, безоружного, налетели бандиты генерала Гайды. Лукаш даже руки не успел поднять. Чем-то тяжелым его ударили по голове. Он потерял сознание…

Уже занимался рассвет, а Лукаш, не смыкая глаз, лежал в постели. Его тревожило будущее. Напрягая мозг, он силился представить себе, как развернутся события в ближайшие дни. Под утро мысли его стали путаться, рваться, заволакиваться туманом. Он забылся.

Глава пятая

Если прошлой ночью Божена спала мало, то сегодня совсем не спала, – отцу стало хуже. К вечеру температура резко поднялась. Ярослав Лукаш метался и каждую минуту просил пить. Губы его воспалились, в глазах появился лихорадочный блеск.

Тревога Божены возросла. Она понимала, что состояние отца опасно. Молча, без жалоб и стонов, переносил он страдания. Сердце Божены разрывалось.

Утром, чтобы успокоить дочь, Ярослав пересилил себя и выпил стакан сладкого кофе.

Божена не отходила от постели отца; лишь на недолгое время съездила на почтамт – предупредить администратора о том, что не сможет выйти на работу.

После обеда Лукашу стало немного легче: появилась испарина, столбик ртути в термометре опустился до тридцати девяти градусов. Он заговорил с Боженой, спросил, почему не видно Антонина Сливы, попросил чашку бульона.

Но к десяти часам вечера положение снова ухудшилось, температура дала резкий скачок вверх, Лукаш впал в забытье. Божена растерялась. Она чувствовала себя бессильной. В своей комнате, уткнувшись в подушку лицом, она рыдала горько и безнадежно. Ей показалось, что близок роковой исход. Она знала, что этого испытания не перенесет.

Когда сознание отца прояснилось, Божена робко сказала:

– Папа, разреши мне позвать врача.

Лукаш перевел на нее внимательные глаза, помолчал и коротко ответил:

– Нет.

Говоря о враче, Божена думала о Милаше Нериче. Она проговорила торопливо:

– Ты не бойся, отец… Ни одна душа не узнает… Врач – мой хороший знакомый, честный и надежный человек, он только осмотрит тебя и пропишет лекарства.

Прошли томительные минуты, прежде чем Лукаш ответил:

– Не надо.

Божена смирилась. Она никогда не спорила с отцом. Его желания, его воля были для нее законом. И ей не хотелось настаивать на Нериче: свое знакомство с ним она от отца скрывала. У Божены было необъяснимое, но стойкое предчувствие: она была убеждена в том, что отец не одобрит ее знакомства.

К полуночи Лукаш стал дышать тяжело и прерывисто. Веки его были сомкнуты, но он не спал. Дважды он попросил трубку, и Божена дважды решительно отказывала ему. Потом Лукаш начал бредить. Со страхом Божена вслушивалась в его слова. Он окликал Зденека Сливу, что-то выговаривал ему, кому-то грозил, кого-то увещевал, с кем-то спорил…

Божена села на постель.

– Отец!.. Отец!.. – окликнула она, сдерживая слезы.

Лукаш повернул голову в ее сторону, оглядел дочь гневным, горячечным взглядом и, не узнавая ее, крикнул:

– Все они подлецы!.. Все, все! Годжа недалеко ушел от Берана. Никому из них я не верю!

Тяжело и громко он застонал…

Божена вскочила с постели и бросилась к двери.

– Нет, так дальше нельзя…

Она дозвонилась до Карловых Вар и разбудила Нерича.

– Милаш, дорогой… У меня умирает отец… Помогите, ради бога…

Нерич старался успокоить девушку и пообещал приехать самое позднее через два часа.

Божена повесила трубку автомата и облегченно вздохнула. У нее было такое чувство, будто одно обещание Нерича приехать уже отвело опасность от ее больного отца.

2

Дверь открылась на первый же осторожный стук. Божена встретила Нерича в простеньком домашнем халате. На нее было страшно смотреть – так она побледнела.

– Извините меня, – проговорила она, пропуская Нерича в переднюю. – Я, право, не знаю, как отнесется отец, он не хотел вызывать врача, но ему очень, очень плохо…

Голос ее сорвался. Нерич видел, как пульсировала на ее

бледном виске едва приметная голубая жилка, как нервно кривились се губы.

– А мы не посчитаемся с тем, что он не хочет, – успокаивающе заметил Нерич, снимая дорожный плащ. – Больные частенько настроены против нас, врачей… Я сделаю все, что в моих силах.

Ярослав лежал лицом к дверям. Первое, что бросилось Неричу в глаза: огромные черные тени под зоркими, лихорадочными глазами, осунувшееся суровое лицо и трубка в зубах, из которой вылетали облачка голубого дыма.

– Здравствуйте! – приветливо сказал Нерич. Он обвел глазами комнату и, увидев пустой стул у стены, поставил на него свой маленький чемоданчик.

Лукаш не смог ответить: он слишком много глотнул дыму и закашлялся.

– Здравствуйте! – ответил за него юноша, сидевший у кровати.

Подойдя к Неричу, юноша подал руку и назвал себя:

– Антонин Слива.

На Нерича взглянули светло-карие живые, любопытные глаза. На высокий и немного выпуклый лоб юноши опадали непослушные волосы пшеничного цвета. Подбородок у него был очерчен резко, взгляд прям, а в рукопожатии чувствовалась незаурядная физическая сила.

Нерич подошел к больному, сел на поданный Боженой стул и обратился к Лукашу со стереотипным вопросом:

– Ну, как себя чувствуете?

Ответа он не получил. Лукаш нашел глазами Божену и, сощурив глаза, сказал недовольно:

– Я же просил не вызывать врача.

– Отец! – взмолилась Божена. – Все равно теперь поздно об этом говорить.

– А кто же вам порекомендовал лечиться табаком? – спросил Нерич тоном строгого наставника и сделал вид, что пропустил мимо ушей не слишком-то любезную фразу больного. – Да еще таким крепким табаком!

Лукаш внимательно разглядывал врача.

– Он меня не слушает, – пожаловалась Божена. – Три дня не курил, а сегодня…

– Вы славянин? – неожиданно спросил Ярослав.

– Славянин, серб, – ответил Нерич с улыбкой.

– Сразу видно, – неопределенно проговорил Лукаш.

Нерич, взяв тяжелую руку больного выше кисти и глядя на часы, стал отсчитывать пульс. Переводя взгляд со своей руки на руку Лукаша, он невольно подумал: «Да, вот рука потомственного пролетария, и вот рука дворянина и интеллигента. Разных полюсов люди. К тому же и характер у старика не слишком податлив».

Божена не спускала глаз с Нерича. Поможет ли он отцу? Поверит ли ему отец? Всей душой она хотела, чтобы Нерич оказался на высоте положения.

Нерич спросил:

– Температура?

– Тридцать девять и восемь, – ответила Божена.

– Когда измеряли?

– Примерно час назад.

– Когда делали перевязку? – повернулся Нерич к Лукашу.

– Не делали, – виновато ответила за отца Божена.

Нерич пожал плечами.

– Что принимает больной?

– Ничего, – коротко ответила Божена.

– Противостолбнячный укол делали?

Лукаш отрицательно покачал головой.

– Странно… – Нерич опять поднял плечи. – Почему вас сразу не отвезли в больницу?

На губах Лукаша проскользнула тень улыбки.

– Дорогое удовольствие, господин доктор, и потом…

– Что потом?

– Ранение связано с небольшим происшествием… Вмешается полиция, а я этого не хочу.

Ответ не удовлетворил Нерича. Он встал со стула, энергично потер подбородок и мягко, но решительно сказал, повернувшись к Божене:

– Я вашего отца отвезу сейчас в свою клинику, к профессору Лернэ, в Карловы Вары.

– Что вы! – вырвалось у девушки.

– Не понимаю, что вас удивляет.

«И в самом деле… почему ее отцу не лечиться у профес-

сора Лернэ? Но сколько это будет стоить?»

– Это будет дорого стоить… Мы не можем…

– Не тревожьтесь. Вам не придется платить. Я все устрою, – сказал Нерич.

– Если так, то мы должны… – нерешительно проговорила Божена.

– Что должны? – Лукаш повернул голову к дочери.

– Поблагодарить господина Нерича. Ведь тебе будет хорошо, отец.

– Я никуда не поеду, – негромко сказал Лукаш.

Антонин Слива хотел вмешаться, но не успел. Божена бросилась к кровати, упала на колени и, схватив руку отца, стала просить в слезах:

– Родной мой… отец… Ты же любишь меня?.. Сделай то, что я прошу… – она целовала его жилистую сильную руку, прижималась к ней щекой.

Лукаш нахмурился. Оценивающими, пытливыми глазами он посмотрел на врача, на Антонина Сливу. Неричу показалось, что эти глаза проникают к нему в самую душу.

Мужчины стояли в ожидании.

– Хорошо, – сказал Лукаш, – я согласен. Но в Карловы Вары не поеду. В Праге тоже есть больницы.

– Сейчас я сбегаю за машиной и отвезу вас, – вызвался Антонин.

– У меня своя машина, – предупредил Нерич. – Собирайтесь. Если не хотите ко мне, я вас доставлю в любую боль-

ницу.

Антонин помог Божене одеть отца. Лукаш с трудом держался, придерживаясь руками за спинку кровати. Божена подошла к Неричу.

– Как я вам благодарна! – проговорила она.

– Стоит ли об этом говорить? Это мой долг, Божена. Отец через неделю вернется совершенно здоровым.

– Можно мне его проводить?

– Конечно.

Нерич и Антонин посадили Лукаша на заднее сиденье, и Божена с мольбой в голосе попросила Антонина:

– Антонин, дорогой, поедем с нами!

– Я готов, – скромно ответил юноша и мельком посмотрел на Нерича.

– Прошу, места всем хватит, – пригласил Милаш.

Но в душе у него шевельнулось недовольство: этот юноша, скромный и решительный, казался ему опасным; несомненно, он имеет влияние на Божену. Девушка села рядом с отцом, поддерживая его за плечи. Антонин устроился возле Нерича.

Молчание нарушил Антонин. Он возмущенно сказал, что над стадионом, где проходил сокольский слет, барражировали истребители. В этом слете участвовала и делегация Югославии – земляки Нерича.

– Тяжелые времена наступают для славян, – тихо отозвался Лукаш.

Нерич прервал его:

– Вы не пересиливайте себя. Поправитесь – тогда поговорим.

Лукаш замолчал.

Но Антонину такого совета Нерич подать не мог, и юноша говорил без умолку. На чем свет стоит он клял Гитлера, Гейнлейна, досталось от него Бенешу, Годже, Берану, Прейсу. Нелестно отозвался Антонин об англичанах и французах, назвал двурушником лорда Ренсимена. Свои симпатии юноша отдавал Советскому Союзу. Тут же выяснилось, что год назад в составе рабочей делегации он был в СССР.

Нерич искоса поглядывал на Антонина. С каждым словом юноши Нерич настораживался все больше. Не нравилось энергичное лицо Антонина, и не нравилась смелость его слов, его горячность, задор, самоуверенность.

«Этот на все пойдет», – отметил Нерич про себя. И спросил Антонина в упор:

– Вы коммунист?

Юноша отрицательно качнул головой.

– К сожалению, пока беспартийный. Вы почему спрашиваете?

Ответа не последовало. Машина остановилась около больницы. Нерич вылез из-за руля.

– Прошу минутку подождать меня, – сказал он.

Уже рассвело. Улицы города оживлялись. Появились женщины с базарными сумками и корзинками.

Вскоре Нерич вернулся в сопровождении двух санитарок. Лукаша положили на носилки. Антонин на прощанье пожал ему руку, Божена поцеловала отца в лоб.

– Поправляйся!

– А ты береги себя, – сказал Лукаш, и глаза его потеплели.

Глава шестая

Сдерживая накипевшую злобу, Обермейер читал ответ штандартенфюрера СС фон Термица на свои два последние письма.

«Уважаемый Эгер! – писал штандартенфюрер. – С планом ваших действий я не согласен. Вашу инициативу не одобряю. Вы идете по линии наименьшего сопротивления, а ситуация в вашей зоне требует активных действий. Вы занялись «дедушкой». Кто вас просил об этом? Кто вам сказал, что он для нас опасен? Почему вы вдруг решили отложить в сторону все текущие дела? Не мешайте ему. Не путайтесь у него под ногами. Направьте все усилия на подрыв влияния коммунистов и разложение организуемого ими народного фронта. Я опасаюсь, что вы смотрите в стекла перевернутого бинокля и не видите, что творится у вас под носом. Вы должны понимать, что волна демонстраций и митингов, захлестнувшая страну, очень неприятна для нас, а вы остаетесь пассивным наблюдателем. Продумайте возможности и средства ликвидации актива компартии, используйте направленных к вам людей, попытайтесь схватить и доставить к нам одного-двух членов так называемого политического бюро ЦК. Нам известно, что сейчас они разъезжают по крупным центрам и выступают открыто.

Организуйте инциденты, конфликты, провокации. Активизируйте связи в «кухне» Махника, путайте карты русским в бюро доктора Крофты.

Вот план ваших действий. Фон Термиц.

P. S. Приобретение «Дравы» отношу к вашим успехам. Смелее направляйте его действия в русло наших интересов. Но осторожнее с Эльвирой. Могут быть большие неприятности. Вы рискуете многим».

Обермейер чиркнул спичкой и на огне сжег письмо. И дернул же его черт написать штандартенфюреру об этом лорде Ренсимене! Чего доброго, он и в самом деле считает его, Обермейера, безнадежным глупцом… Но откуда же он мог знать, что Ренсимена следует оставить в покое? Догадаться самому? Это не так просто. Штандартенфюрер должен был предупредить его заранее.

Обермейер шумно вздохнул и, поднявшись из-за стола, крупными шагами стал ходить по комнате.

Звонок известил о том, что явился посетитель. Обермейер взглянул на часы. Половина третьего ночи. Кто мог пожаловать так поздно? Вошел Нерич.

– Не ждал тебя. Садись! Что-нибудь срочное? – спросил Обермейер.

Нерич молча протянул ему очередное письмо, полученное из Белграда.

Обермейер читал, стоя посреди комнаты. Нерич смотрел на его неуклюжую, нескладную фигуру и думал о том, что лишь обращение на «ты» напоминает теперь об их прежней дружбе. Остальное ушло. После каждой новой встречи Обермейер держался все официальнее и суше. При каждом удобном случае он подчеркивал свое превосходство, не имея к этому никаких оснований, старался показать себя хозяином положения и не терпел возражений.

– Далеко заглядывают твои земляки, – сказал Обермейер, прочтя письмо. – Поняли, что скоро единственным средством связи для них останется только радио. Ты снял копию?

– Да, конечно, – Нерич подал фотокопию письма.

Прежде чем возвратить оригинал, Обермейер сличил его с копией.

– Кстати, в отношении англичан тебе никаких указаний не дано?

– Ты же читал все письма!

– Да… Правильно. А как думаешь, зачем сюда пожаловал Ренсимен?

– Хм… – Нерич усмехнулся. – Это ясно каждому.

– Именно?

– Он приехал забить последний гвоздь в крышку гроба, в который уложили Чехословакию. После этого гроб можно тащить на кладбище.

– Ты прав, – заметил Обермейер и подумал: «Нерич рассуждает неглупо».

Обермейер сел и пригласил Нерича последовать его примеру.

По давней привычке, вошедшей в плоть и кровь, Обермейер расположился спиной к свету, и Нерич почти не видел его глаз, укрытых в глубоких впадинах. Свет лампы падал прямо на лицо Нерича.

Мориц пристально наблюдал за ним, раздумывая, почему это его друг за последнее время помрачнел и осунулся. И сейчас он явно не в своей тарелке. Конечно, Обермейеру наплевать на душевные переживания Нерича. Он заставит этого серба поступать так, как это выгодно Обермейеру. Нужно найти короткий способ активизировать Нерича и, как выразился штандартенфюрер, смелее направить его действия «в русло наших интересов». Нерич аккуратно передает белградские письма, и Обермейер полностью в курсе дел и интересов югославской секретной службы. Но этого теперь мало. Безусловно, у Нерича есть люди, с которыми он работает. Их надо использовать для гестапо.

Надеяться на то, что Нерич выдаст всю агентурную сеть, наивно. При соответствующем нажиме он, конечно, выдаст одного-двух агентов, а про остальных умолчит. И Обермейер не сможет его проверить. Надо попытаться использовать кадры Нерича «втемную».

– Вот что, дружище, – нарушил молчание Обермейер, – нет ли у тебя надежных людей, которые готовы пойти в огонь и в воду?

Нерич пожал плечами, думая: «Тут ты меня не обойдешь! Не выйдет!»

Обермейер ждал ответа, и глаза его говорили: «Не пытайся вывернуться, я тебя вижу насквозь».

Нерич отрицательно покачал головой.

– Если не твоих в буквальном смысле слова, то, может быть, найдутся просто надежные люди? Например, среди коммунистов с подмоченной репутацией.

Нерич снова покачал головой.

«Ну, погоди, – решился Обермейер, – сейчас я тебе преподнесу пилюлю», – и спросил:

– Скажи, дружище, какого это субъекта ты положил на днях в больницу?

Кровь прилила к лицу Нерича.

– Мы, кажется, не договаривались с тобой о том, чтобы я давал тебе отчет в моих личных знакомствах. Это мое частное дело! – произнес он, с усилием сдерживая негодование.

– Ха-ха! Частное дело! – рассмеялся Обермейер. – Мы не дети, Милаш.

– Почему ты говоришь так?

Злобная конвульсия передернула лицо Обермейера. Он ударил кулаком по столу.

– А потому, что этот тип коммунист! – прокричал он. – Мы должны уничтожать их, а ты взялся его лечить. Напрасно ты думаешь, что я ничего не вижу.

Нерич был бледен, как стена. Правая его нога выстукивала

нервную дробь, он схватился за колено, чтобы унять дрожь.

«Спокойнее, спокойнее, – сказал он себе, напрягая всю свою волю. – Идти на ссору, на явный разрыв – опасно. Как знать, что взбредет в голову сумасбродному Морицу? Он на все способен».

– Что же вы молчите? – спросил Обермейер, переходя на «вы». Его тонкие губы крепко сжались.

Нерич, собравшись с силами, ответил спокойнее:

– Ты меня знаешь, Мориц, не один год и… должен понять, что при этом стиле отношений мы вряд ли найдем общий язык.

Обермейер промолчал. Кожа на его лбу сжалась гармошкой. Он шумно встал из-за стола и прошелся взад и вперед по комнате.

– Я не делал тайны из того, что отвез больного человека в больницу, – медленно проговорил Нерич. – Я привез его на глазах у всех… И если не я, кто-нибудь другой это сделал бы.

– Знаю, – бросил Обермейер уже не прежним вызывающим тоном.

– Скрывать, что он коммунист, я не собирался.

– Дальше.

– Но ты не знаешь, какие побуждения руководили мною. Я не меньше тебя ненавижу коммунистов… – Нерич умышленно старался говорить неопределенно, чтобы не выдать своих истинных мыслей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.